

ПРЕДИСЛОВИЕ

(из книги Дж. Боффа «История Советского Союза»)

Следует объяснить, как и почему я написал эту книгу. Я довольно долго жил в Советском Союзе. Первый раз я приехал сюда 28 декабря 1953 г. Сталин умер всего несколько месяцев назад. Прошло меньше месяца с того дня, как было объявлено о расстреле Берии. В СССР я приехал одолеваемый безмерным любопытством, неотделимым, разумеется, от политического пристрастия.

С первых же месяцев моего московского житья я был поражен тем, насколько плохо мы, иностранцы, пребывающие в СССР, подготовлены для понимания событий, происходящих в стране. И это даже не зависело от политической ориентации, которой придерживался каждый из нас: мы все оказывались равным образом безоружными, безотносительно к тому, кто на какую сторону становился в годы холодной войны. Вопреки собственным намерениям и критической настроенности, в большей или меньшей степени отличавшей каждого, все мы, как оказалось, питались скорее стереотипами, нежели подлинным знанием. Эти стереотипы могли быть очернительского или восхвалительного толка (поскольку они поддерживались пропагандой с двух противоположных сторон), но при соприкосновении с фактами они оказывались равным образом абстрактными, далекими от подлинной действительности. Нам приходилось, следовательно, самим приниматься за труд первооткрывательства, и вот здесь-то знакомство с исто-

рией могло бы помочь делу. Но раздобыть информацию было непросто.

К середине 50-х годов состояние исторической науки в СССР было довольно обескураживающим, что, впрочем, широко признавалось уже в ту пору и о чем официально заявлялось как на самом XX съезде, так и после него. Сам ход этого съезда и созданная им в стране политическая атмосфера усиливали мое желание узнать возможно больше о событиях недавнего прошлого. При отсутствии работ, способных удовлетворить мою любознательность, мне не оставалось, однако, ничего иного, как прибегнуть к тому, что на профессиональном языке историков именуется устной традицией, то есть к рассказам людей, которые эти события пережили и наконец решились правдиво поведать об этом своем личном опыте. Так началась моя, если так можно выразиться, кустарная работа по исследованию советской истории.

Последующий ход дел в СССР лишь все больше побуждал меня стремиться к тому, чтобы сочетать профессиональный журналистский труд со все более серьезной исследовательской работой историка. Когда я вернулся в Москву на второй период, то сделал это главным образом для того, чтобы посвятить себя этой второй цели: более систематическому разысканию необходимых источников, устранению по мере возможности пробелов в документации и более интенсивным контактам с теми советскими историками, которые пользовались моим наибольшим уважением. И хотя эти усилия, уже тогда стоившие мне немало напряжения, забирали массу времени и энергии, я не думал — ни тогда, ни еще несколько лет спустя, — что примусь за систематическое написание истории Советского Союза. Я был убежден: советские историки справятся с этой задачей куда лучше, чем я. Лишь к концу 60-х годов,

когда я вынужден был констатировать, что в брежневском СССР политическая и идеологическая атмосфера вновь сделалась малоблагоприятной для опубликования правдивой истории советского периода, я набрался решимости самому взяться за написание того труда, который теперь предлагаю вниманию читателя.

Я полагал — и это было для меня главным стимулом, — что такого рода книга необходима итальянскому читателю, особенно молодому, имеющему весьма туманные представления об этой истории и справедливо желающему знать о ней больше. Я принялся за работу, отдавая себе отчет в тех трудностях, с которыми встречу. Обширность и сложность темы сами по себе внушали ужас. К тому же я знал, насколько полны пробелов те источники, которыми я мог располагать, ведь большая часть их оставалась запертой в архивах, куда даже советские исследователи не имели доступа, а уж мне и подавно путь был закрыт. Но я был убежден, что архивы эти все равно откроются еще не скоро. Если я стану ждать, когда они поступят в распоряжение ученых, то, скорее всего, никогда не смогу выполнить поставленную перед собой задачу. Я решил поэтому, что как бы то ни было, но попытку эту следует предпринять, используя все те источники, которые удалось собрать мне лично, а также те, которые, по моим сведениям, имелись в разных странах мира. Пусть то будет первая попытка. Позже другие напишут лучше меня.

Именно потому, что я отдаю себе отчет в том, насколько ограниченным был исследовательский инструментарий, которым я мог располагать, я не претендую, чтобы эту работу рассматривали как исчерпывающую. Все мы, те, кто издали пытается объективно исследовать историю СССР, знаем, что плоды наших стараний по необходимости отмечены знаком временности, причем не только в том смыс-

ле, что всякое историческое исследование преходяще, но и в том, что нашим изысканиям суждено оказаться преодоленными в тот самый момент, когда свободный доступ к архивам позволит историкам — в первую очередь советским, но, хочу надеяться, также и представителям других стран — более обстоятельно ознакомиться с прошлым. Я не удивлюсь поэтому, если моя книга окажется предметом критики и оспариваний, особенно если они будут основываться на новых открытиях, неизданных документах, более полной информации. Именно такого типа дискуссии нам долгие годы недоставало, и в ней ощущается наибольшая нужда. Историческое исследование — как и любое другое научное изыскание — может от этого только выиграть. Мое сокровенное желание и сегодня состоит в том, чтобы эти страницы могли послужить отправным пунктом для дискуссий, которые бы продвинули всех в познании действительности. Если это окажется возможным, я буду считать это подлинной наградой за свой труд.

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА В 1920-е годы. ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Восстановление производительных сил

После хаоса революционных лет, после разрухи, вызванной Первой мировой и гражданской войнами, подъем экономики в Советской России начался в 1922 г. Нэп возродил определенное товарообращение. Подъем пошел быстро и обнадеживающе, хотя не раз небо над советской экономикой затягивало тучами и наступали критические моменты.

Выпуск продукции тяжелой индустрии, не превышавший и 13% довоенного объема (1913), в 1924 г. достиг 50% этого уровня и превзошел его в 1927 г. Годами наиболее интенсивного роста были 1923 г., а затем 1925 и 1926 гг. Оживление происходило и на железнодорожном транспорте, почти парализованном в 1920–1921 гг. В 1927 г. людей и грузов перевозилось больше, чем до войны. Темпы промышленного роста были различными в разных отраслях. В легкой промышленности они были выше, чем в тяжелой; в производстве энергии и добыче топлива, нехватка которого как раз и грозила парализовать страну, дело шло более споро, нежели в выплавке металла (металлургическая промышленность вышла на довоенные показатели лишь в 1929 г.). Подъем был обусловлен сперва просто необходимостью привести в движение остановившийся было механизм народного хозяйства, а затем запросами рынка — по преимуществу крестьянского, — на котором ощущалась нехватка самых элементарных товаров.

Восстановление промышленности повлекло за собой возрождение рабочего класса. В августе 1922 г. его численность едва превышала миллион человек. Деклассирование городского пролетариата было тем социальным явлением, которое более всего ослабляло основы нового строя. Теперь в городах наступало оживление. К концу 1927 г. число рабочих, занятых в крупной промышленности, вновь достигло 2,5 млн.; советские исследователи считают, что с учетом утраченных территорий этот показатель равноценен довоенному. Наибольший рост наблюдался в 1925 и 1926 гг.

В 1927 г. довоенного уровня достигла также зарплата, хотя между различными отраслями существовали довольно значительные перепады. В первое время рост зарплаты превышал рост производительности труда, что вызвало тревогу в 1924 г. Сам по себе, однако, такой процесс был неизбежен, так как оплату труда, упавшую до трагически низкого уровня во время военного коммунизма, необходимо было повысить хотя бы до минимальных размеров, дающих возможность просуществовать. Впрочем, с переходом к нэпу зарплата пережила немало превратностей: вначале — когда была резко сокращена, а потом и вовсе упразднена натуральная оплата, и позже — когда скудные запасы ликвидных средств у предприятий привели в 1923 г. к большим задержкам в выдаче зарплаты. На первых порах оживление работы предприятий было делом рук рабочих, уже трудившихся на заводах до войны (70%); остальные зачастую были их детьми. На этой первой стадии приток новых сил был незначительным: более ощутимым он стал лишь в 1925–1926 гг.

Первым признаком выхода из кризиса был хороший урожай 1922 г. Сельское хозяйство пострадало от войны сравнительно меньше, чем промышленность. И все же его продукция в 1921 г. составляла в стоимостном выраже-

нии лишь чуть больше половины продукции 1913 г.: 60% по советским статистическим данным. Подъем сельского хозяйства вначале шел быстрее, чем в промышленности. В 1922 г. было засеяно лишь 77,7 млн. га против 105 млн. в 1913 г., но уже в 1925 г. для возделывания была отвоевана почти вся пустовавшая земля. Наиболее интенсивное восстановление утраченного происходило в 1923 г. К наилучшим годам в сельском хозяйстве относились также 1925 и 1926 гг. Набирало силу возделывание технических культур, сильнее всего пострадавшее от гражданской войны и раздела земли (сбор хлопка в Средней Азии и сахарной свеклы на Украине упал соответственно до 6 и 4% по сравнению с 1913 г.).

Что касается животноводства, менее пострадавшего, но и менее развитого до революции, то оно уже в 1925 г. достигло довоенного уровня. Исключение составляло только коневодство. В целом сельское хозяйство в 1927 г. производило больше продукции, чем до войны.

Денежная реформа

В результате хозяйственного подъема, достигнутого без займов, без какой бы то ни было помощи из-за границы, жизнедеятельность страны полностью восстановилась, хотя, по мнению многих иностранных экспертов, она не способна была стать на ноги. То был знак необыкновенной живучести общества, прошедшего жестокие испытания революции и гражданской войны, и способности новой власти к упрочению своих основ. Тем не менее тут-то и начинались подлинные проблемы.

Дело в том, что выход из кризиса не был таким уж гладким. В 1923 г., когда подъем только-только начал набирать силу, более быстрое восстановление на селе в сочетании

с медленно преодолеваемой дезорганизацией рынка привело к падению цен на сельскохозяйственную продукцию при одновременном резком повышении цен на промышленные товары. То был «кризис ножниц цен», как его стали называть по знаменитой диаграмме, которую Троцкий, первый заговоривший об этом явлении, показал делегатам XII съезда РКП(б).

К осени кризис приобрел такие масштабы, что угрожал парализовать товарообмен между городом и деревней, а следовательно, подорвать едва начавшееся восстановление и вызвать неизбежную депрессию. Причины его были, конечно, более сложными, чем те, на которые указывали критики из оппозиции, сводившие все к отставанию промышленности и отсутствию плана. Анализ его причин явился, таким образом, исходным пунктом диспута между противостоящими тенденциями в экономической теории — диспута, получившего развитие в последующие годы.

Между тем уже в 1924 г. напомнил о себе второй отрицательный фактор. Новая серьезная засуха обрушилась на зерносеющие районы юга и юго-восточной части Европейской России, которые еще не полностью оправились от трагических последствий недорода 1921 г. Тем самым обнаружилась непрочность подъема сельского хозяйства. Последствия на этот раз были не столь катастрофическими, и все же они ощущались еще и три года спустя.

В эти годы была осуществлена денежная реформа. Тщательно продуманная, она была терпеливо и заблаговременно подготовлена постепенным введением в обращение в 1923 г. новой денежной единицы с золотым обеспечением — червонца. В первом квартале 1924 г. был произведен обмен старых обесцененных денег, находившихся в обращении, на новые банкноты и монеты новой чеканки, также обеспеченные золотом и потому стабильные. Обмен

производился из расчета один новый рубль на каждые 50 тыс. «совзнаков», каждый из которых, в свою очередь, равнялся миллиону рублей времен гражданской войны. Реформа была представлена стране как «поворотный пункт... экономического и политического развития». Она явилась актом огромной важности, ибо служила показателем большей степени овладения механизмами экономики, наконец достигнутой правительством. Продолжением реформы стала финансовая политика, которую историки называют «ортодоксальной»: сбалансированный бюджет, опирающийся на гарантированные доходы и твердые налоговые поступления; осторожная политика расходов и капиталовложений, активный внешнеторговый баланс. Троцкий критиковал эту политику как «диктатуру наркомфина», то есть Сокольникова и его экспертов: слишком осторожную, чтобы обеспечить достаточно быстрое развитие промышленности (именно в этом смысле он противопоставлял ей требование «диктатуры промышленности»)¹.

Проведенная как раз в то время, которое совпало с первой полосой дипломатических признаний Советского государства, денежная реформа возродила надежды на широкое экономическое сотрудничество с капиталистическими державами Запада. Более обильные урожаи вновь приоткрыли перспективу возобновления вывоза хлеба, который играл столь важную роль для экономики царской России. Был такой период в 1923–1924 гг., когда все или почти все руководители РКП(б), независимо от принадлежности к большинству или оппозиции, были убеждены в абсолютной необходимости иностранных кредитов для развития страны. Лучше всех это убеждение выразил Красин в своем выступлении на XII съезде партии. Но займы, за некоторыми ничтожными исключениями, так и не поступили. Многие надежды развеялись как дым. 1925 г. — год максимального развития концессий. Были заключены наи-

более крупные контракты на разработку минеральных ресурсов: добычу марганца в Грузии — с американцем Гарриманом и освоение обширных золотоносных площадей в Сибири — с английской компанией «Лена голдфилдс». В 1926 г. было зарегистрировано наибольшее число действующих соглашений с иностранными фирмами — 113. Из них лишь 31 — в промышленности. Их удельный вес в советской экономике, хотя его и нельзя назвать нулевым, был все же предельно мал: эти предприятия не выпускали и одного процента совокупной промышленной продукции. Наконец, объем внешней торговли достиг только 40% довоенного. С одной стороны, ощущалась нехватка товарного зерна, с другой — политические преграды мешали более широкому развитию товарообмена с границей. Во многих странах советские товары еще рассматривались как своего рода краденое добро, отнятое у прежних законных владельцев и потому подпадающее под многообразные юридические санкции.

Сколь ни блестящи были успехи в экономике, ее подъем ограничивался жесткими пределами. Достигнуть довоенного уровня было нелегко, но и это означало новое столкновение с отсталостью вчерашней России, сейчас уже изолированной и окруженной враждебным ей миром. Мало того, наиболее могущественные и богатые капиталистические державы вновь начинали укрепляться (эта тема — так называемой «относительной стабилизации» капитализма — в середине 20-х гг. служила предметом ожесточенных споров в Коминтерне и среди русских коммунистов). Американские экономисты подсчитали, что национальный доход на душу населения к концу 20-х гг. составлял в СССР менее 19% американского.

Жизнеспособность страны находила выражение в бурном демографическом росте. В 1926 г. численность населения увеличилась до 147 млн. человек, на 13 млн. больше,

чем в 1923 г., что означало неслыханные темпы среднегодового прироста — более 2%. Как и до революции, лишь 18% жило в городах, а 82% — в деревне. Уже заметна была, однако, тенденция к ускоренному росту городского населения: число жителей городов возрастало на 5% в год. Деревня вновь страдала от перенаселенности: по подсчетам экономиста Струмилина, на селе имелся «излишек» порядка 8–9 млн. пар рабочих рук. Этот «излишек» начинал притекать в города, обостряя проблему безработицы до тревожных размеров. В 1923 г. число безработных превысило миллион человек, а в 1927–1929 гг. переваливало за полутораmillionную отметку; особенно сильна была безработица среди молодежи. В 1924 г. она послужила источником опасных политических брожений.

Восстановление производства и стабильность денежной единицы были оплачены дорогой ценой: экономией даже на самом существенном. В стране, где культура рассматривалась как первая национальная необходимость, приходилось урезать даже расходы на школу. По-прежнему тяжким оставалось положение с беспризорными: миллионы детей, брошенных на произвол судьбы, являли собой печальное зрелище. В то же время была восстановлена государственная монополия на водку — немаловажная статья дохода в государственном бюджете, в прошлом осуждавшаяся революционерами как «аморальная». Правда, таким путем надеялись организовать более эффективную борьбу с частным производством алкоголя — губительным самогоном. На практике же пьянство разрасталось.

В подобных условиях коммунисты, стоявшие у власти, не могли удовлетвориться только восстановлением страны. Вся их деятельность велась, разумеется, не во имя простого возврата к производственным уровням довоенной и дореволюционной России; оправдать эту деятельность могла лишь куда более высокая цель — социализм.

Уравнивание в деревне

Несмотря на возрождение рабочего класса, Россия оставалась крестьянской страной. Сельское население насчитывало почти 121 млн. человек и было рассеяно по 613 587 населенным пунктам, размеры которых варьировались в чрезвычайно широких пределах. Это могли быть крошечные селения всего из нескольких изб с десятком-другим жителей (распространены они были преимущественно в лесных и болотистых районах северо-запада), а могли быть и крупные поселки или казацкие станицы на сельскохозяйственном юге, в степях или Сибири, с населением до нескольких тысяч человек.

Русская деревня и после революции отличалась огромным разнообразием местных условий; да иначе и быть не могло в стране, которая в силу своей протяженности охватывала самые различные с географической точки зрения районы, районы со своими историческими особенностями и традициями. Это обстоятельство следует постоянно иметь в виду, в частности, чтобы понять события, которые последовали позже. Всякое описание деревни «вообще» страдало бы, таким образом, условностью. Имелись вместе с тем некоторые черты, общие для деревни на всем бескрайнем протяжении СССР. Одной из них — и, конечно, главной — продолжала оставаться техническая и культурная отсталость. Орудия труда были самые примитивные. В 1924 г. еще около половины хозяйств пахало сохой, а не плугом. Правда, в последующие годы распространение плугов и других металлических орудий труда пошло очень быстро. Однако в подавляющем большинстве случаев крестьяне продолжали сеять вручную, жать хлеб серпом и молотить его цепями. Машин, даже самых простых, было крайне мало. В земледелии господствовала трехпольная

система, при которой один из участков оставался под парами раз в три года. Преимущественно ручной сельский труд был малопродуктивен. Если взять за основу расчета тот факт, что земледелием занимались примерно 72 млн. человек (включая подростков), то получается, что в целом по стране каждый крестьянин кормил, помимо себя самого, лишь еще одного своего соотечественника.

Разумеется, не все крестьяне были одинаковы. Однако произведенное революцией великое уравнивание оставалось характерной чертой русской деревни на протяжении всех 20-х гг. Следствием этого явилось одно поразительное явление — возрождение старой общины, к уничтожению которой вел до революции капитализм. Мы знаем, что община не исчезла и после сокрушительного удара, нанесенного ей реформами Столыпина. Великий земельный передел 1917–1920 гг. вдохнул в нее новую жизнь. Земельный кодекс 1922 г. предоставил крестьянам право выбирать ту форму хозяйственного устройства, которую они предпочитают: индивидуальную, коллективную или общественную, то есть основанную как раз на общине. Именно общинное землепользование и стало абсолютно преобладающим: на его долю приходилось до 98–99% всех крестьянских земель в Центральной и Южной России, несколько меньше, но также преобладающая часть — на Украине и в Сибири, то есть там, где и раньше действовали более сильные стимулы к разложению общины.

Община, которую советский кодекс называл «земельным обществом», представляла собой территориальную ассоциацию частных производителей-земледельцев, не лишенную своеобразного крестьянского демократизма. В общем пользовании находилась лишь часть земли: выгоны, пустоши, леса. Пашня же, составлявшая в среднем 70–80% всей земельной площади, нарезалась посемейно — по дворам, причем каждая семья обрабатывала надел своими

силами. Все общественные вопросы разрешались на собрании членов общины — сходе, который выбирал определенное руководство. По традиции в сходе должны были участвовать лишь главы семей. Советский же закон требовал, чтобы на сходе присутствовали все труженики, включая молодежь и женщин. Однако принцип этот, насколько можно судить по имеющимся в распоряжении исследователей данным о посещаемости сходов, далеко нельзя было считать утвердившимся на практике.

Это был, впрочем, не единственный пункт, по которому возникали трения между традиционными представлениями крестьянской общины и курсом новой советской политики. Начиная с 1922 г. законом были установлены сроки — как правило, девять лет — для периодического перераспределения земли, которое в предшествующий период гражданской войны производилось ежегодно. Сделано это было для того, чтобы не лишать крестьянина стимулов к проведению мелиоративных работ на своем наделе. Но и это установление выполнялось далеко не всегда. Причины, по которым это происходило, становятся более понятными, если обратить внимание на тот факт, что община в деревне обладала куда более реальной властью, нежели Совет. В стране имелось 319 тыс. сельских общин и только 73 584 сельских Совета, ибо сплошь и рядом распространение Советов не шло дальше административного уровня волости. Помимо этого, Совет, как правило, не располагал собственными источниками финансирования, в то время как община обеспечивала их себе путем самообложения, и не мог вмешиваться в вопросы землепользования.

Однако не стоит идеализировать общину. Ей был свойствен консерватизм, особенно в том, что касалось агротехнических методов (севооборота и т. д.); она тормозила всякую индивидуальную инициативу, глушила предприимчивость крестьян. С другой стороны, даже выражая тен-

денции к солидарности и коллективизму, община отнюдь не умаляла ни силы крестьянского индивидуализма, опиравшегося на прямую связь крестьянина с обрабатываемой землей, ни прочности патриархальных устоев, связанных с сохранением двора как первичной ячейки, в которой господствующим оставалось влияние старейшего главы семьи. Но с точки зрения производственной главным ее пороком оставалась по-прежнему чересполосица — нарезание земли лоскутами. Принцип, которым руководствовалась община, требовал, чтобы всем дворам были предоставлены равноценные наделы. На практике это означало, что каждый получал весь надел в виде множества маленьких участков (порой до 10–20, а то и до 40–50 в зависимости от района), зачастую отстоящих друг от друга на большом расстоянии. Затраты времени и труда в результате резко возрастали, а это отрицательно сказывалось на производительности.

С восстановлением экономики и оживлением рыночных отношений в деревне снова начал развиваться медленный процесс социального расслоения. Определение его точных масштабов — задача наитруднейшая. Источники того времени, как правило, не являются достоверными с точки зрения точности именно потому, что вопрос об определении масштабов явления и составлял предмет острейших разногласий, питавших политическую борьбу, развернувшуюся в те годы в рядах коммунистов. Оппозиция кричала об опасности возрождения сельского капитализма, явно преувеличивая размеры явления. Большинство в свою очередь невольно стремилось к его преуменьшению. Позже картина протекавших процессов была искажена с целью оправдания сталинских методов коллективизации. Но задача затруднена не только искажениями по политическим мотивам.